

Новые «древние» восточнославянские катойконимы: вторая половина XX – начало XXI в.

М. В. Ахметова

New “ancient” East Slavic demonyms: the second half of the XX and the beginning of the XXI century

M. V. Akhmetova

Мария Вячеславовна Ахметова – кандидат филологических наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: malinxi@rambler.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В статье анализируется функционирование названий жителей (катойконимов), появившихся в XX в. и имеющих вид древних в силу архаичной словообразовательной модели или культурных ассоциаций. Рассматриваются названия жителей Ярославля *ярославичи* (мн. ч. муж. р.), *ярославна* (ед. ч. ж. р.) и жителей Витебска *витьбичи* (рус.) / *віцьбічы* (белорус.) (мн. ч. муж. р.). Предлагается гипотеза, согласно которой трансонимизация антропонима *Ярославна*, результатом которой стало появление катойконима *ярославна*, была обусловлена возникновением в 1963 г. соответствующего эпитета, именующего первую женщину-космонавта В. В. Терешкову, уроженку Ярославской земли. Распространение в локальном узусе названия *ярославна* в качестве актуального катойконима повлекло за собой конструирование названия *ярославичи*, используемого, впрочем, в ограниченных репрезентационных контекстах. Название *витьбичи* / *віцьбічы*, именующее прежде всего древнейшее население Витебщины, начинает использоваться прежде всего в литературных текстах после 1973 г., в редких случаях позиционируясь как альтернативное на фоне конкуренции исконного *витебляне* (белорус. *віцябляне*) и *витебчане* (белорус. *віцябчане*). Очерчивается социокультурный фон, как общесоветский, обусловивший престижность и вообще востребованность подобных «древних» названий во второй половине XX в., так и локальный, способствующий их актуализации (в частности, ситуация празднования юбилеев древних городов). Делается вывод о том, что подобные катойконимы могут определенное время функционировать ограниченно, в частности, в качестве возвышенных поэтических имен. Их усвоение узусом в качестве актуальных названий жителей зависит от дополнительных условий.

Ключевые слова: катойконимы, названия жителей, словообразование, деривация

УДК 81.371

Maria V. Akhmetova – Candidate of Philological Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2543-9349

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article analyzes the functioning of the names of residents (demonyms) which have appeared in the 20th century and at the same time have ancient forms due to an archaic word-formation pattern or some cultural associations. The names of Yaroslavl residents, including *yaroslavichi* (pl. masc.), *yaroslavna* (sing. fem.), and Vitebsk residents, including *vit'bichi* (Rus.) / *vits'bichy* (Belarus.) (pl. masc.), are discussed. According to the author's hypothesis, transonymization of the anthroponym *Yaroslavna*, which resulted in the appearance of the demonym *yaroslavna*, was due to the emergence, in 1963, of the eponymous epithet as the periphrastic name of the first female cosmonaut V. V. Tereshkova, a native of the Yaroslavl land. The distribution of the name *yaroslavna* in local usage as an actual demonym led to the building of the onym *yaroslavichi* which is used, however, in limited representational contexts. The demonym *vit'bichi* / *vits'bichy*, which primarily names the ancient population of the Vitebsk land, came into literary usage after 1973, in rare cases being positioned as an alternative name in the situation concurrence between the ancient *vitebliane* (Rus.) / *vitsiabliane* (Belarus.) and *vitebchane* (Rus.) / *vitsiabchane* (Belarus.). The author outlines sociocultural background, both the all-Soviet one which determined the prestige and general demand for such ancient names in the second half of the 20th century, and the local one which contributes to their actualization (in particular, the situation of celebrating the anniversaries of ancient cities). It is concluded that the functioning of such ancient demonyms can be limited, in particular, when they are used as sublime poetic names. Their coming into usage as actual names of residents depends on additional conditions.

Keywords: demonyms, names of residents, word formation, derivation

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Данная статья посвящена появившимся в XX в. восточнославянским оттопонимным дериватам – названиям жителей населенных пунктов (катойконимам), – которые имплицитно или эксплицитно претендуют на обладание признаком древности.

История вопроса. Престижность русской/славянской архаики в середине – второй половине XX в. во много обусловлена идеологическими умонастроениями эпохи. За патриотическим поворотом конца 1930-х – периода Великой Отечественной войны – в советском общественном дискурсе последовало обращение к «риторике малой родины», «вступление на идеологическую арену локализма, голоса “мест”» [Сандомирская, 2001, с. 20–21]. Указанные локалистские тенденции далее разворачивались на социокультурном фоне, связанном с позднесоветским традиционалистским поворотом 1960–1970-х годов. Обращение к национальной традиции, в частности русской (и, шире, славянской), затронуло общество «развитого социализма» практически на всех уровнях, обусловив одновременно конструирование «сверху» псевдоэтнической обрядности, рост роли музеев, краеведения и архивов в культурной жизни, развитие реставраторства, «моду на простонародность», возникновение неподцензурного «неопочвенничества» и мн. др. (см., например: [Шнирельман, 2012, с. 97–104; Разуvalова, 2015, с. 17–25, 48–59]). Эти процессы повлияли и на ономастическую ситуацию, в частности, на функционирование катойконимов. Так, именно в 1960–1970-е годы в Старой Руссе началась ограниченная реактуализация забытого древнейшего названия *рушане*, в эргонимии г. Калинина (бывшей Твери) появляются откатойконимные собственные имена (ансамбль «Тверичане», ВИА «Тверичи» и т. д.) [Ахметова, 2018, с. 311; 2019].

Наряду с частичным возрождением старых катойконимов, можно отметить и такую примечательную тенденцию, как конструирование и популяризация названий новых – при этом построенных по архаичным славянским моделям. В данном случае, например, характерно следующее мемуарное свидетельство о писателе, драматурге и журналисте В. В. Овечкине, в 1948 г. переселившемся с семьей в Львов: *...отец задался вопросом: «Так кто же мы теперь – львовцы, львовичи или львовяне?». Сошлись на том, что львовичи. Звучит привлекательно, как-то по-былинному* [Овечкин, 2015, с. 89]. Название *львовичи* (как, впрочем, и заведомо пародийное *львовяне*, и **льговяне* – если в предыдущем названии была допущена опечатка) в словарях не отмечено, так что весьма вероятно самостоятельное конструирование номинаций, и выбор самого «привлекательного» названия очень показателен. Называться «по-былинному» – значит заявлять о древности места, в котором живут именуемые, значит подчеркивать свою связь с древнерусской историей.

Далее будут рассмотрены два случая, связанные с функционированием такого рода «былинных» названий, появившихся в XX в.: жен. р. *ярославна*, мн. ч. муж. р. *ярославичи* (Ярославль) и мн. ч. муж. р. *віцьбічы* (белорус.) / *витьбичи* (рус.) (Витебск).

Методология и методика исследования. Анализируется использование указанных катойконимов в печати (СМИ, художественной и публицистической литературе) с 1960-х годов до начала XXI в. Предварительный отбор литературного

материала осуществлялся при помощи сервиса Google.Books. Для поиска словоупотребления в жен. р. *ярославна* производился сплошной просмотр ярославских газет «Северный рабочий» и «Юность» за 1960–1980-е годы, выход которых был приурочен к празднованию Международного женского дня (соответственно, в этих материалах было ожидаемо использование названий жительниц-женщин), а также выпуски за июнь – август 1963 г. (о причинах выбора этого периода см. далее). На основе качественного контент-анализа выявляются особенности функционирования данных названий.

Анализ материала и результаты исследования

Случай 1: *ярославна, ярославичи*. Название жительницы Ярославля *ярославна*, последние десятилетия использующееся в местных СМИ, литературе и повседневном узусе, не находит отражения в словарях (в которых отмечено лишь *ярославка*, см., например: [Городецкая, Левашов, 2003, с. 344]) и уникально тем, что образовано по модели, свойственной не для катойконимов, а для антропонимов. Представляется, что его вхождению в узус (либо популяризации) во второй половине XX в. способствовали определенные «внешние» обстоятельства.

Ярославна – антропоним, ставший прецедентным благодаря древнерусскому «Слову о полку Игореве». Благодаря популярности данного литературного образа оним вошел в русский ономастикон в качестве женского имени [Суслова, Суперанская, 1991, с. 99], хотя в «Слове о полку Игореве» *Ярославна* – не личное имя, а отчество героини. Не имея изначального отношения к Ярославлю, этот оним опосредованно связывается с территорией в 1960-е годы в контексте полета в космос В. В. Терешковой – уроженки Ярославской области, чьи юные и молодые годы прошли в Ярославле.

Благодаря семантике патронимического форманта в имени *Ярославна* становится возможным перенос: ‘дочь Ярослава’ > ‘уроженка, «дочь» Ярославля / Ярославской земли’ (в соответствии с распространенной риторической моделью, устанавливающей отношения метафорического родства между территорией – родиной, местом жительства – и ее жителем). В результате *Ярославна* становится перифрастическим именованьем первой женщины-космонавта – по преимуществу в локальном контексте, но не только. Этот эпитет активно используется в местных газетах (например: *...из Ярославля нескончаемым потоком идут поздравления, приветствия, пожелания – и в каждом родное имя – «нашей Вале, Ярославне»* (Юность, 19.06.1963); *Как бы высоко ни поднималась наша Чайка, наша Ярославна, она никогда не теряла неразрывной связи с Ярославской землей* (Северный край, 3.03.1977) и т. д.), в стихах, написанных как известными советскими поэтами (например, полету Терешковой посвящены стихотворения Екатерины Шевелевой и Марка Лисянского, озаглавленные «Ярославна»), так и местными авторами (например, строки из стихотворения П. Быкова: *Спасибо, землячка, / Привет, Ярославна!* [Усов, 1963, с. 93]). Упоминается это именованье и в краеведческой литературе, например, в путеводителе по Ярославлю: *...самыми родными, близкими и душевными [эпитетами] для ярославцев были слова – наша Валя, наша Ярославна* [Козлов и др., 1971, с. 36].

В 1972 г. на телевизионном фестивале «Песня-1972» на всю страну прозвучала песня «Ярославия» (слова Л. И. Ошанина, музыка П. К. Аедоницкого) со строками: *Как зовут тебя, Ярославна? / Ярославна моя, постой; Ярославна, тебя я славлю, / Славлю землю твою в цвету, / Славлю молодость Ярославля, / Нашу русскую красоту* (журнал «Крестьянка», 4-я страница обложки: приложение к публикации [Ошанин, 1973]). Судя по написанию слова с прописной буквы, здесь также речь идет скорее о возвышенном эпитете, хотя коннотации, распространяющие его на всех ярославских женщин, более явны.

В качестве именованной жительниц Ярославской земли слово *я(Я)рославна* в местных газетах редко появляется с конца 1960-х. Чаще, впрочем, жительницы именовались при помощи гендерных или классовых терминов (*женщины, комсомолки, девушки* (в составе конструкции «юноши и девушки», частотной на страницах комсомольской газеты «Юность») и т. д.), либо при помощи описательных конструкций, например: *Подарок всем женщинам Ярославля* (Северный рабочий, 8.03.1966). В любом случае за 1960–1980-е годы ни в «Юности», ни в «Северном рабочем» не было обнаружено ни одного употребления «словарной» номинации *ярославка*. Всего в номерах газет «Северный рабочий» и «Юность», приуроченных к 8 марта, за два десятилетия (1960–1970-е годы), удалось обнаружить пять употреблений этого названия (как в заголовках, так и в текстах статей), при этом первый случай написания названия со строчной буквы, однозначно маркирующий катойконимное, а не эпитетное значение слова, относится к 1973 году, т. е. ко времени уже не только после полета «космической Ярославны», но и после создания песни «Ярославия»: «Для вас, ярославны!» (Юность, 6.03.1973, материал о Доме моды). В 1980-е годы частотность использования катойконима растет. Подробнее особенности функционирования названия *ярославна* рассматриваются автором этой статьи в сборнике материалов XX конференции «Ономастика Поволжья» (2022).

По всей вероятности, распространение названия *ярославна* спровоцировало появление по аналогии формы в м. р. *ярославич*, также омонимичной отчеству (и одновременно напоминающей архаичные катойконимные номинации, именуемые как жителей древних городов, типа *москвичи, костромичи* и т. д., так и славянские племена) и в качестве названия жителей ранее не использовавшейся (отмечается только в словаре [Городецкая, Левашов, 2003, с. 344] с единственным примером из газеты «Советская Россия» за 1998 г., в котором, вероятнее всего, речь идет о спонтанном порождении названия жителей как своего рода экзонима). Появление таких названий впервые фиксируется в преддверии 1985 г., когда отмечалось 975-летие Ярославля. Например, в книге журналиста и писателя В. Д. Шапошниковой «Ярославичи», содержащей очерки о прошлом и настоящем Ярославской области, жители именуются *ярославичами* (10 раз) и *ярославцами* (11 раз, не считая цитат) и *ярославнами* (10 раз) [Шапошникова, 1984]. Показательно, что сами герои Шапошниковой, собиравшей материал для книги в Ярославле и области, называют себя отнюдь не *ярославичами*: «Ярославец я. Да, да, ярославец», – говорит по телефону собеседник автора, переехавший на жительство в Ленинград [Там же, с. 281]. В 1985 г., к юбилею города, ТО «Экран» выпускает документальный фильм «Ярославль

и ярославичи» [Носкова и др., 1985]. Кроме очевидной отсылки к прецедентному библиониму «Москва и москвичи», это название отражает мнение авторов фильма о том, что ранее жители города назывались именно *ярославичами*. Так, в закадровом тексте предлагается *понаблюдать за ярославцами, или ярославичами, как их называли в старину (14:05–14:08)*, а также сообщается о том, что *много раз ярославичи поднимали город из руин и пепла (15:27–15:28)*. Впрочем, чаще в закадровом тексте говорится о *ярославцах*; например, это название употребляют в прямой речи и интервьюируемые герои фильма – ветеран войны В. А. Черенков и космонавт В. В. Терешкова. На чем основано убеждение создателей фильма о подобном «старинном» словоупотреблении, до конца неясно, вероятно как абберация с летописным *Ярославичи, Ярославличи* ‘потомки Ярослава’ (см. о названиях жителей Ярославля: [Бабкин, Левашов, 1975, с. 317]), так и доверие к ограниченному использованию соответствующего названия в локальном контексте.

В 1990-е годы название «Ярославич» получает ярославский волейбольный клуб (создан в 1988 г., благодарю Р. В. Разумова за уточнение этой информации и за обсуждение сюжетов, связанных с названиями жителей Ярославля); 28 декабря 1987 г. то же название получило предприятие, выпускающее сельскохозяйственную технику (дата подтверждена пресс-службой предприятия). Кроме того, к 1000-летию города, отмечавшемуся в 2010 г., сотрудниками ярославской библиотеки № 1 им. А. П. Гайдара был разработан сценарий праздника для младших школьников «Посвящение в ярославичи», имеющий патриотическо-краеведческую направленность и включающий рассказ о городе, чтение стихов о нем, историческую викторину, а также произнесение торжественного обещания. Школьник, *принимая почетное звание «Юный гражданин Ярославля»*, обещает любить и беречь родной город, изучать его историю, уважать его жителей и т. д.; в конце праздника ведущий говорит: *Желаем вам успехов, юные Ярославичи!* [Коробовская, 2008].

В отличие от названия в ж. р. *ярославна* (вошедшего в СМИ и узус), катойконим *ярославичи* до сих пор как использовался, так и используется лишь в ограниченных репрезентационных контекстах.

Случай 2. Для именованя жителей Витебска и Витебской земли в 1970-е годы входит в ограниченное употребление номинация *витьбичи* (белорус. *віцьбічы*), сконструированная по образцу названий славянских племен *кривичи, вятичи, радимичи, дреговичи* и т. д., но в средневековых источниках не отмечающаяся (исконное название жителей Витебска – *видбляне (видьбляне)*, ед. ч. *видблянин (видбленин)/видиблянин*, трансформировавшееся позднее в *витебляне, витеблянин*, см.: [Бабкин, Левашов, 1975, с. 329]). Позиционирующаяся как древнейшее название жителей, она встречается сразу в двух локально значимых литературных произведениях, созданных к тысячелетнему юбилею Витебска, который отмечался в 1974 г. Первое – белорусскоязычная пьеса В. С. Короткевича «Колокола Витебска» (написана в 1973 г., в 1974 г. впервые поставлена на сцене Витебского театра им. Я. Коласа), второе – русскоязычный сборник исторических новелл Л. А. Обуховой «Витьбичи», создававшийся в 1972–1973 гг.

В пьесе Короткевича действие происходит в XVII в., и название *віцьбічы* появляется там как в репликах персонажей (*Але сілай віцьбічаў, але сілай нас – хрэн возьмеш!* – «Но силой витьбичей, но силой нас хрен возьмешь!»), так и в авторских ремарках (*Віцьбічы рынулі наперад* – «Витьбичи ринулись вперед») [Караткевіч, 1990, с. 125–126].

В книге Обуховой *витьбичами* называется древнейшее местное население, проживающее по р. Витьбе, а затем в городе, именуемом *Видбеск* (древнейшее название Витебска): эта номинация, наряду с названием в ж. р. *витьбянки* и прилагательным *витьбичанский*, используется в новеллах, описывающих события IX, X и XIII вв. [Обухова, 1974, с. 10–11, 13–14, 26, 29, 66, 71]; в новелле о событиях XIV в. жители Витебска названы уже *витебцами* [Там же, с. 75]; в контексте XX в. речь идет чаще о *витеблянах* [Там же: 244–245, 278, 317, 324, 334, 362], хотя иногда они именуются «древним» именем – в контекстах, чаще не имеющих конкретной темпоральной привязки, и один раз в возвышенном, героическом контексте, кроме того, единично появляется название *витьбичане* [Там же, с. 308, 338]. *Не все, кто населяют сейчас город, урожденные витьбичи* [Обухова, 1974, с. 324]; *Витьбичи неохотно расстаются с берегами Витьбы и спешат вернуться к ним при первой возможности...* [Там же, с. 334]; *...смоляне и витьичи связаны и соседством и историей* [Там же, с. 354]; летчик Чеблаков, повторивший во время Великой Отечественной войны подвиг Гастелло, назван «отважным витьбичем» [Там же, с. 342]. Наконец, сама книга имеет посвящение: *Витьбичам, моим современникам, посвящаю*. Информация о том, что *славяне-кривичи* (<...> называли себя *витьбичами* – по реке *Витьбе*, транслировалась Обуховой и позднее [Обухова, 1989, с. 7].

Кроме того, название «Витьбичи» получает созданный в том же юбилейном 1974 году образцовый хор мальчиков; в 1980-е то же название носил ресторан в здании железнодорожного вокзала, открытый в 1952 г. [Шамякин, 1988, с. 135–136] (к сожалению, когда ресторан был так назван, выяснить не удалось).

Одновременное появление этой номинации в нескольких источниках 1970-х годов заставляет предположить какие-либо обсуждения в контексте конструирования локальной (и, возможно, этнической) идентичности, имевшие место ранее, но оставшиеся автору этих строк неизвестными. Показательно свидетельство 1970-х годов (запись о праздновании 1000-летия города в дневнике витебского поэта Д. Г. Симановича от 30 августа 1974 г.): упомянутый Короткевич считал название *витьбичи* более релевантным, чем исконное *витебляне* (*віцябляне*, *віцебляне*) и новое *витебчане* (*віцябчане*): *Торжественное заседание в театре. Доклад Машерова, в котором кто-то из его помощников настойчиво повторяет (и Машеров так и читает): витебчане, витебчане. А мне это режет слух и хочется повторять: витебляне, витебляне... А Короткевич решительно: «Не витебчане и не витебляне – витьбичи!..»* [Симанович, 2006, с. 150].

Интересно, что за несколько десятилетий до этого периода катойконим встречается в составе псевдонима *Юрка Витьбич*, под которым писал Г. А. (или С. А.) Щербаков (1905–1975) – уроженец Витебской губернии, эмигрировавший в США в 1944 г. В некрологе писателю, опубликованном в лондонском эмигрантском журнале,

отмечается, что он взял псевдоним по реке Витьбе – притоку Двины [Дзе-ка, 1975, с. 2]. Разумеется, мы можем иметь здесь дело как с совпадением, с автономным конструированием номинации по известной архаичной модели, так и с результатом известности имени Юрки Витьбича в витебских (и, шире, белорусских) литературных кругах в 1970-е. Однако, учитывая неблагоприятные особенности биографии носителя псевдонима – коллаборациониста и эмигранта, – едва ли его псевдоним мог стать в советскую эпоху прецедентным именем; слово *витьбич* могло восприниматься Короткевичем и Обуховой в первую очередь не как часть псевдонима конкретного человека, а как реально существовавший некогда этноним.

После празднования 1000-летия Витебска и вплоть до наших дней это название довольно редко используется в литературе как на русском, так и на белорусском языке, прежде всего в исторических контекстах (например: *...не подумал великий князь литовский [Гедимин], что его сын <...> приобретет не только власть над Витебском и витьбичами* [Масленицына, 2001, с. 96]; *Сам Невский водил витьбичей на литовских пришельцев...* [Ципис, 1988, с. 121]), реже – по отношению к современникам (*віцьбічы заўжды <...> крыху не ад сьвету гэтага* (Витьбичи всегда <...> немного не от мира сего) [Севярынец, 2005, с. 38]). В педагогическом журнале информацию о том, что кривичи назывались *витьбичами* по реке Витьбе (с опорой на рассказ Обуховой [1989]) предлагалось транслировать на уроках истории для младших школьников [Шатова, 1998, с. 132].

Кроме того, название *витьбичи* ситуативно предлагается как альтернатива, с одной стороны, исконного, но «неблагозвучного» *витебляне*, а с другой, более позднего *витебчане*, которое в языковой рефлексии жителей Витебска зачастую ассоциируется с влиянием советских чиновников. В сетевых источниках и СМИ отмечается широко распространенное в кругах витебской интеллигенции мнение о том, что популяризация названия *витебчане* вместо *витебляне* связана с влиянием первого секретаря ЦК Компартии Белорусской ССР В. П. Машерова, приезжавшего в город и выступавшего с речью на праздновании 1000-летия Витебска. Действительно, в областной газете «Віцебскі рабочы» название *віцябчане* вытеснило название *віцябляне* в августе 1974 г. [Генкин, 1997, с. 10] – конкретнее, по моим наблюдениям, 29 августа, когда праздновался юбилей города, инспирировавший участие в местной социальной жизни должностных лиц республиканского масштаба. Несмотря на то что влияние тех или иных властных фигур на словоупотребление (в том числе на смену названий жителей) в целом является распространенным мотивом «конспирологических» метаязыковых рассуждений, в данном случае приходится предполагать определенную долю соответствия этого мотива реальности: рекомендация не использовать в публичной речи «неблагозвучное» древнее название *витебляне*, которое в связи с юбилеем Витебска должно было бы прозвучать на всю республику (и даже на целую страну), действительно, могла иметь место.

В 1991 г. в Витебске появляется новая газета «Віцьбічы = Витьбичи». По воспоминаниям главного редактора газеты, выбор ее названия был обусловлен полемикой о том, как следует именовать местных жителей: *Спорили, как назвать газету. Тогда как раз велась дискуссия о том, кто же живет в нашем городе –*

витебчане или витебляне? Мы решили, что «Витьбичи» объединят всех, напомнят о богатой истории Придвинского края и станут такой газетой, которой еще не было в нашем регионе [Тулинова, 2011]. Или, например, в контексте празднования 30-летнего юбилея газеты председатель правления общественной организации «Белорусский союз журналистов» Андрей Кривошеев сказал, что для себя *разрешил спор по поводу того, как правильно называть горожан – витебчане или витебляне. «Это – витьбичи»* [Серебрякова, 2021]. Наконец, в наши дни это название может включаться в однородный ряд вариантов в качестве альтернативного (наряду, в частности, с белорусифицированным *витьбуки*): *Витьбичи, витьбуки, витебляне и витебчане, спасибо вам за то, что через тысячелетия вы пронесли старинное название нашего города!* (Витебский курьер, 9.08.2012).

Выводы. В целом можно говорить о том, что в последней трети XX в. реактуализация «старых забытых» и конструирование новых катойконимов происходили весьма ограниченно, а сами эти названия функционировали не всегда как собственно названия жителей, но зачастую – с определенной долей условности – как своего рода поэтические имена (ср., например, характеристику поэтических антропонимов как имен, использующихся в художественных произведениях и несущих «кроме номинативной функции, стилистическую», могущих иметь «социальную и идеологическую нагрузку» [Подольская, 1978, с. 31]). Во многом поэтическая сущность рассмотренных названий жителей обусловлена престижными коннотациями древности (в силу архаичной словообразовательной модели или культурных ассоциаций) и ситуацией, в которой они входили в обиход и которая предполагала актуализацию локальной идентичности через чувство гордости (будь то гордость жителей Ярославля за знаменитую землячку-космонавта, а также жителей Ярославля и Витебска по поводу предстоящих юбилеев их древних городов) и в силу этого – актуализацию (псевдо)исторической памяти.

Связанная с ограниченностью употребления катойконимов в ж. р. недостаточность ранних источников не позволяет сделать однозначных выводов относительно того, с чем мы имеем дело в случае с названием *ярославна*: бытовало ли оно в качестве катойконима до 1963 г. и получило легитимацию благодаря появлению соответствующего эпитета В. В. Терешковой и затем благодаря популярной песне или процесс трансонимизации проходил иначе: антропоним *Ярославна* > антропоним-эпитет *Ярославна* > катойконим *ярославна*. Можно лишь предполагать, что одним из факторов вытеснения зафиксированного в словарях названия *ярославка* в местном узусе могла быть омонимия с известным с XIX в. названием местной породы коров. При этом появившееся позднее название *ярославичи* так и осталось подобным поэтическим именем, не выдерживающим конкуренции с общепринятым *ярославцы*. То же, хотя и с некоторыми оговорками, можно сказать и о катойкониме *витьбичи*, который используется крайне ограниченно и на фоне конкуренции вариантов *витебляне* и *витебчане*, гораздо более актуальных для тех или иных жителей Витебска (см. подробнее: [Генкин, 1997]), так и не стал альтернативным.

Литература

- Ахметова, М. В. (2018). Катоиконимы в локальной печати конца XX – начала XXI в. (случай Твери). *Slověne = Словене*, 7(1), 281–307.
- Ахметова, М. В. (2019). О реактуализации одного древнего катоиконима (случай Старой Руссы). *Вопросы ономастики*, 16(1), 173–199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.010.
- Бабкин, А. М., & Левашов, Е. А. (1975). *Словарь названий жителей СССР*. Москва: Русский язык.
- Генкин, В. М. (1997). Социолингвистический аспект катоиконимической номинации. *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*, 1997(1), 9–13.
- Городецкая, И. Л., & Левашов, Е. А. (2003). *Русские названия жителей: Словарь-справочник*. Москва: ООО «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ».
- Дзе-ка, А. (1975). Юрка Віцьбіч. *Божым шляхам*, 23(1–2 (143–144)), 2–8, 25–26.
- Караткевич, У. (1990). *Збор твораў: У 8 т. Т. 8. Кн. 1: П'есы. Нарыс*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Козлов, П. И. (Авт.-сост.), Лапкина, Л. Д., & Казакевич, Т. Д. (Авт. отдельных глав) (1971). *Ярославль: Путеводитель*. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Коробовская, М. В. (Сост.) (2008). *Посвящение в ярославичи (праздник для младших школьников) (без пагинации)*. Ярославль: [б. и.].
- Масленицына, И. А. (2001). *По рыцарским законам*. Минск: Полымя.
- Носкова, Н. (Авт.), Ольгина, О. (Авт. текста), & Бажанова, Г. (Реж.) (1985). *Ярославль и ярославичи*. Творческое объединение «Экран». Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=a6M9ZJ2VA1Q>.
- Обухова, Л. (1974). *Витьбичи: Исторические новеллы*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Обухова, Л. (1989). *Давным-давно: Рассказы о Древней Руси*. Москва: Детская литература.
- Овечкин, В. (2015). *Броском вперед! Мой отец Валентин Овечкин в дневниках, письмах, воспоминаниях (2-е изд., доп.)*. Курск: Славянка.
- Ошанин, Л. (1973). Как создавалась «Ярославия». *Крестьянка*, 1973(11), 19.
- Подольская, Н. В. (1978). *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.
- Разувалова, А. (2015). *Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Сандомирская, И. (2001). *Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. (Wiener slawistischer Almanach; 50).

References

- Akhmetova, M. V. (2018). Diversity of names for Tver inhabitants in the local press (late 20th and early 21st centuries). *Slověne = Slovene*, 7(1), 281–307. (In Russian)
- Akhmetova, M. V. (2019). On the revival of one ancient Russian katoikonym: Staraya Russa. *Voprosy onomastiki*, 16(1), 173–199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.010. (In Russian)
- Babkin, A. M., & Levashov, E. A. (1975). *Dictionary of the names of inhabitants of USSR*. Moscow: Russkii yazyk. (In Russian)
- Dze-ka, A. (1975). Iurka Vits' bich. *Bozhym shliakham*, 23(1–2 (143–144)), 2–8, 25–26. (In Belarusian)
- Fedorova, T. (2011, May 19). Nina Tulinova: Must have strong head and be able to keep balance. *Belorusskii soiuz zhurnalistov*. (In Russian). Retrieved from: <http://bsj.by/2011/05/nina-tulinova-nado-imet-krepkuyu-golovu-i-umet-derzhat-ravnovesie>.
- Genkin, V. M. (1997). Sociolinguistic aspect of katoikonymic nomination. *Vesnik Vitsebskaga dziazhaŭnaga universiteta*, 1997(1), 9–13. (In Russian)
- Gorodetskaya, I. L., & Levashov, E. A. (2003). *Russian names of inhabitants: A dictionary*. Moscow: Russkie slovari, Astrel, AST. (In Russian)
- Karatkevich, U. (1990). *Collection of works (Vol. 8, Book 1)*. Minsk: Mastatskaia litaratura. (In Belarusian)
- Korobovskaya, M. V. (Ed.) (2008). *Initiation in 'yaruslavichi' (a feast for junior schoolchildren)*. Yaroslavl: [n. e.]. (In Russian)
- Kozlov, P. I., Lapkina, L. D., & Kazakevich, T. D. (Eds.) (1971). *Yaroslavl: A guide*. Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russian)
- Maslenitsyna, I. A. (2001). *By knight's laws*. Minsk: Polymya. (In Russian)
- Noskova, N. (author), Olgina, O. (author of the text), & Bazhanova, G. (film director.) (1985). *Yaroslavl and 'yaruslavichi'*. Tvorcheskoe ob'edinenie "Ekran". (In Russian). Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=a6M9ZJ2VA1Q>.
- Obukhova, L. (1974). *'Vit'bichi': Historic novels*. Minsk: Mastatskaia litaratura. (In Russian)
- Obukhova, L. (1989). *A long time ago: Tales on the Ancient Rus'*. Moscow: Detskaya literature. (In Russian)
- Oshenin, L. (1973). How the [song] 'Yaruslaviia' was created. *Krestianka*, 1973(11), 19. (In Russian)
- Ovechkin, V. (2015). *Throw forward! My father Valentin Ovechkin in his diaries, letters, memoirs (2nd ed., enl.)*. Kursk: Slavianka. (In Russian)
- Podolskaia, N. V. (1978). *A dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Razuvalova, A. (2015). *Writers-'derevenshchiki': Literature and conservative ideology of the 1970s*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

- Севярынец, П. (2005). *Нацыянальная ідэя: Фэнамэналёгія Беларусі*. Рыга: ОДО «Лайма».
- Серебрякова, Т. (2021, 7 мая). «Витьбичам» – 30 лет: в концертном зале «Витебск» прошел концерт в честь юбилея газеты. *Vitbichy.by*. Электронный ресурс <https://www.vitbichi.by/fotonews/post47801.html>.
- Симанович, Д. (2006). *Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы: Дневники*. Минск: Асобны.
- Суслова, А. В., & Суперанская, А. В. (1991). *О русских именах*. Ленинград: Лениздат.
- Усов, В. (Сост.). *Ярославна*. Ярославль: Кн[ижное] изд[ательство].
- Федорова, Т. (2011, 19 мая). Нина Тулинова: Надо иметь крепкую голову и уметь держать равновесие. *Белорусский союз журналистов*. Электронный ресурс <http://bsj.by/2011/05/nina-tulinova-nado-imet-krpkuuu-golovu-i-umet-derzhat-ravnovesie>.
- Ципис, Н. (1988). Поперечный. *Неман*, 1988(2), 110–124.
- Шамякин, И. П. (Гл. ред.) (1988). *Витебск: Энциклопедический справочник*. Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки.
- Шапошникова, В. Д. (1984). *Ярославичи*. Москва: Советская Россия.
- Шатова, В. (1998). «И не любить без памяти нельзя...». *Народное образование*, 1998(1), 132–140.
- Шнирельман, В. А. (2012). *Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России*. Москва: Издательство ББИ.
- Sandomirskaja, I. (2001). *Book about homeland: Experience of analysis of discursive practices*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. (Wiener slawistischer Almanach; 50). (In Russian)
- Serebriakova, T. (2021, May 7). 30 years to [the newspaper] “Vit’bichy”: The concert in honor of the newspapers’ jubilee took place in the concert hall “Vitebsk”. *Vitbichy.by*. (In Russian). Retrieved from: <https://www.vitbichi.by/fotonews/post47801.html>.
- Seviarynets, P. (2005). *National idea: A phenomenology of Belarus*. Riga: Laima. (In Belarusian)
- Shamiakin, I. P. (Ed.) (1988). *Vitebsk: An encyclopedic guidebook*. Minsk: Belorusskaia sovetskaia entsiklopediia im. P. Brovki. (In Russian)
- Shaposhnikova, V. D. (1984). *Iaroslavichi*. Moscow: Sovetskaia Rossiia. (In Russian)
- Shatova, V. (1998). “And it’s impossible to love without a memory...”. *Narodnoe obrazovanie*, 1998(1), 132–140. (In Russian)
- Shnirelman, V. A. (2012). *Russian ‘rodnoverie’: Neopaganism and nationalism in contemporary Russia*. Moscow: Izdatelstvo BBI. (In Russian)
- Simanovich, D. (2006). *The Vitebsk Railway Station, or The evening walks through years: Diaries*. Minsk: Asobny. (In Russian)
- Suslova, A. V., & Superanskaia, A. V. (1991). *On Russian names*. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)
- Tsipis, N. (1988). The transversal. *Neman*, 1988(2), 110–124. (In Russian)
- Usov, V. (Ed.). *Iaroslavna*. Yaroslavl: Кн[ижное] изд[ательство]. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Ахметова, М. В. (2022). Новые «древние» восточнославянские катойконимы: вторая половина XX – начало XXI в. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 28–37. DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-28-37

For citation:

Akhmetova, M. V. (2022). New “ancient” East Slavic demonyms: the second half of the XX and the beginning of the XXI century. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 28–37. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-28-37